

УДК: [811.131.1:811.18]374
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891

СЛОВАРИ ТОТАЛИТАРНЫХ ИТАЛИИ И АЛБАНИИ

В.М. Костева

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

Актуальность статьи определяется первичностью обращения к сопоставительному анализу развития лексикографии в странах с тоталитарным устройством общества. При этом анализируемый материал рассматривается с точки зрения «тоталитарной» лингвистики, понимаемой как совокупность дискурсивных практик, присущих тоталитарной эпохе. Целью представленной статьи является подтверждение выдвинутой автором гипотезы о том, что тоталитарное государство, независимо от временных рамок, порождает особый вид лингвистики, обладающей набором определенных признаков, позволяющих отнести ее к тоталитарному типу, следуя современной политической семантике. Предметом исследования являются лексикографические произведения эпохи тоталитаризма в Италии и Албании. Материалом исследования в представленной статье послужили оригинальные лексикографические источники Италии и Албании, а также научные работы в области лексикографии, посвященные периоду тоталитаризма, представленные преимущественно зарубежными лингвистами. Исследование проводится в русле нарративной лексикографии, позволяющей воссоздать объективную картину состояния и развития лингвистики в тоталитарных государствах, что способствует переосмыслению лингвистического наследия тоталитарных государств, открывает дальнейшие перспективы в области нарративной лингвистической историографии. Полученные результаты характеризуются большой степенью новизны. Впервые лексикографическая практика тоталитарных государств представлена в сравнительном анализе дискурсивных практик тоталитарной эпохи. Ранее изучение лексикографии тоталитарных государств было реализовано на основе исследований отдельных аспектов словарного дела и представлено фрагментарно, в основном на иностранных языках, что существенно ограничивает доступ русскоязычных читателей к данным работам. Результаты проведенного анализа вносят вклад в общую теорию лексикографии и лингвистической историографии XX века.

Ключевые слова: лексикография, «тоталитарная» лингвистика, дискурсивные практики, нарративность, кодификация, семантизация, толковый словарь

ВВЕДЕНИЕ

В рамках изучения «тоталитарной» лингвистики, понимаемой нами в общем и целом как совокупность дискурсивных практик тоталитарной эпохи [Костева 2013: 37], сопоставительному анализу подвергается лексикографическая практика следующих стран с тоталитарным устройством общества: СССР периода 1923—1953 гг., Германии — 1933—1945 гг., Италии — 1922—1943 гг., Испании — 1933—1975 гг., Албании — 1941—1985 гг., Румынии — 1948—1989 гг. и Китая — 1949—1976 гг. Тем самым мы имеем возможность проанализировать материал разных временных периодов, начиная с 1920 г. и заканчивая 1980-ми гг., и, кроме того, разных регионов, географически отдаленных друг от друга, но имеющих общие тенденции политического развития [Костева 2013: 6].

Представить анализ лексикографии во всех вышеупомянутых странах в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому в данной статье мы ограничимся сопоставительным анализом лексикографии тоталитарных Италии и Албании, как государств, разведенных во времени, но близких в географическом отношении.

Обращаясь к лексикографии **Италии тоталитарного периода**, отметим два важных признака: во-первых, большое количество лексикографических изданий — за 20 лет периода правления фашистов из печати были выпущены 9 наименований различных словарей, и, во-вторых, контроль и регулирование лексикографической деятельности со стороны государства, что проявлялось как в личном участии Б. Муссолини в лексикографических проектах, так и в национальном законодательстве.

Декретом от 1923 г. была запрещена активная лексикографическая деятельность Королевской Академии Италии (*La Reale Accademia d' Italia*) и публикация 5-го издания словаря *Vocabolario*, история которого началась еще в 1863 г. Словарь имел распространение не только в Италии, но и других европейских странах, служа при этом моделью создания академических словарей для других языков, например, во Франции. Запрету предшествовало решение комиссии, учрежденной Б. Кроче, занимающего в то время пост министра образования, о реформировании и ограничении деятельности Академии публикациями литературных текстов (1921 г.).

Попытка создания нового словаря осуществилась только в 1935 г., после того как существующий словарь итальянского языка, составленный Н. Томазео и Б. Беллини («*Dizionario della lingua italiana*», 4 тт., 1861—1879 гг.), был признан устаревшим и несоответствующим современному состоянию языка.

Лично Муссолини поручил Академии создание нового словаря под названием *Vocabolario della lingua italiana*, намереваясь, таким образом, распространить влияние фашистской идеологии среди широких народных масс [Kolb 1990: 138]. В ответ Академией была предложена концепция нового полного словаря итальянского языка в пяти томах, который отражал бы текущее состояние языка и его историю. Подобные идеи имели место еще в конце XIX века, однако реализация их оказалась возможной только в первой половине XX-го.

Задуманный словарь, разработка которого поручалась Дж. Бертони, был предназначен не только для филологов, но и для широкой публики. На создание словаря отводилось пять лет, и уже в 1941 г. был выпущен первый том словаря (буквы А—С), где толковались слова как архаичные, так и современные. Наряду с традиционной лексикой в словник включались научные и технические термины; иностранные слова, имеющие распространение в повседневном общении, а также те иноязычные заимствования, которые использовал в своих выступлениях Муссолини. В соответствии с проводимой языковой политикой из словника были исключены диалектальные слова и выражения.

По лексикографической традиции словарь сопровождается предисловием, в котором составители описывают задачи, структуру и предназначение словаря. Для нашего исследования данный раздел представляет интерес с точки зрения

отражения в нем доминант политической жизни Италии. Так, причины появления данного лексикографического труда были объяснены авторами в 1935 г. влиянием идеологии фашизма на все государственные и общественные институты, а также непосредственным влиянием на язык: «Причиной нового издания является стремление добавить новые слова и новые значения, а также внести важные изменения, четко отразить нововведения, которые привнесла в язык и во все остальное мощная жизнь фашизма. И мы делаем это с удовольствием, рассматривая это также как новое доказательство того, что язык является правдивым отражением жизни народа» («L'occasione della nuovo ristampa è data soprattutto dal gradite dovere di aggiungere nuove parole e nuovo significati o fare importanti cambiamenti, esprimendo in chiara maniera le innovazioni, che anche nella lingua, come in tutto il resto ha portato la potente vita del fascism. E lo facciamo assai volentieri anche come novella prova che la lingua è specchio fedele della vita del popolo») [Цит. по Kolb 1990: 140].

В соответствии с провозглашенной линией на единство языка и нации в предисловии присутствуют высказывания, отражающие политические лозунги того времени: «Единство языка — это, прежде всего, единство нации» («Unità linguistica è soprattutto unità nazinale»), «потому что язык является той же нацией» («Perchè la lingua è la stessa Nazione») [Цит. по Kolb 1990: 141].

В приложении к словарю отдельно толковались основные лексемы итальянского фашизма: автакция (*autarchia*), корпорация (*corporazione*), дуче (*Duce*), фашизм (*Fascio*), режим (*Regime*) и др. [Kolb 1990: 142].

В качестве иллюстративных примеров, особенно для неологизмов фашистского режима, служили цитаты Муссолини и других политиков, идеологов, верных режиму писателей. Кроме того, часть общей лексики, использовавшейся в политических речах, типа *мужество* (*corragio*), *завоевания* (*conquista*), была также проиллюстрирована цитатами Муссолини [Kolb 1990: 140].

Исследователи также отмечают, что толкование лексем фашистской тематики типа *корпоративизм* (*corporativismo*) сопровождается более пространными и подробными объяснениями и иллюстративными примерами, чем, например, лексемы *коммунизм* (*comunismo*) или *большевизм* (*bolscevismo*), имеющие ярко выраженную негативную коннотацию [Kolb 1990: 191].

Отметим, что позднее указанный словарь был подвергнут критике в основном из-за толкования неологизмов, значение которых еще не было окончательно утверждено [Duro 1999: 1864—1865].

Кроме того, в представленном лексикографическом произведении нашла свое отражение политика языкового пуризма, предписывающая использование итальянских слов взамен иноязычных: «Уважение к традициям и ревнивая любовь к истории языка не должны препятствовать тому, чтобы в язык вошли новые слова для обозначения идей и новых вещей. Слова не требуют ни власти Академии, ни указов. Но когда для этих новых вещей и идей существуют слова собственного языка, большой ошибкой будет их забыть и использовать иноязычные слова» («Il rispetto per la tradizione e il geloso amore per la storia della lingua non debbono impedire l'accettazione di vocaboli nuovi per designare idee e cose nuove. I vocaboli non s'impongono per autorità nè di Academie, nè di decreti. Ma quando per queste nuove

cose e idee soccorrano genuine voci, sarebbe colpa dimenticarle e servirsi di parole straniere») [Цит. по Kolb 1990: 143—144].

Другим интересным лексикографическим источником эпохи фашизма является «Современный словарь» А. Панцини (*Dizionario moderno. Supplemento ai Dizionari italiani* [Panzini 1935]). В предисловии мы можем получить представление о точке зрения автора на соотношение языка и нации *lingua/favella* и *nazione* в современной ему Италии: «Защита родного языка — это защита чести нации: сохранение своей оригинальности и сохранение души нации» («*La difesa della favella natia è la difesa dell'onore della nazione: la conservazione della sua originalità e la conservazione dell'anima stessa della nazione*») [Цит. по Kolb 1990: 143].

Этот словарь отличался от других словарей итальянского языка прежде всего тем, что включал в себя лексемы-неологизмы, не кодифицируемые другими словарями. Чрезвычайно важны личная заинтересованность и личное участие Муссолини в составлении словаря, проявившиеся в том, что некоторые лексемы были включены в словник по его личной просьбе, что было отражено составителем в словаре с помощью соответствующей пометы *M*. К данной группе слов относятся не самые употребительные лексемы итальянского фашистского дискурса, но те, которые либо употреблялись лично Муссолини, либо возникли в эпоху итальянского фашизма, например, *ambulantata*, *coperchuare*, *disarmista*.

Лексемы фашистского дискурса в основном иллюстрируются цитатами Муссолини, например: «*fasci — processo rivoluzionario dittatorio, creazione di un novo Stato che è autoritario, ma non absolutist, gerarchico e organico aperto al popolo in tutte le sui classi e categorie e interessi*» («фашизм — процесс революционной диктатуры, создание нового государства, которое является авторитарным, но не абсолютистским, иерархически и органически открытым для народа, для всех классов, категорий и интересов») [Цит. по Kolb 1990: 146].

А толкование лексемы «государство» сопровождается фашистским политическим слоганом «*stato — tutto per lo stato, nulla sopra lo Stato, null contro lo stato: formula politico dell fascismo*» («Все для государства, ничего, выше государства, ничего против государства: формула политики фашизма») [Цит. по Kolb 1990: 148].

В перечисленных выше изданиях разных лет можно также встретить лексемы, синтагмы, слоганы и ключевые слова германских нацистов, как, например, *Blut und Boden* (кровь и земля), *Arier* (ариец), *Nichtarier* (не ариец), *Lager* (лагерь) др. [Kolb 1990: 191], что является показателем идеологических связей тоталитарной Италии и нацистской Германии.

Второй отличительной чертой представленного словаря стала ярко выраженная пуристическая направленность. Вероятно, это было связано с тем, что автор А. Панцини был членом Королевской Академии и принимал участие в составлении списка иноязычных слов, использование которых в речи итальянских граждан не было рекомендовано. В приложении к последнему изданию словаря содержится список запрещенных слов и их итальянские замены, предложенные как самим автором, так и другими членами специальной комиссии Академии (*Comissione dell'Accademia per l'italianità della lingua*), занимавшейся поиском итальянских эквивалентов для заимствованных слов [Klein 1986: 130—131].

Иноязычная лексика, прежде всего американизмы и англицизмы, была представлена в крайне небольшом количестве по отношению к итальянской лексике, и, кроме того, определения данных слов не отличались адекватностью и были весьма отрывочны. Кодификация словарных форм проходила в соответствии с правилами итальянского неопуризма, с использованием элементов итальянского языка, например, специальных суффиксов, служащих для образования абстрактных и обобщающих существительных *-iente*; *-itâ* (*suffiente, intimitâ*) [Duro 1999: 1867].

Обобщая вышесказанное, отметим, что не все существующие словари Италии, изданные в эпоху фашизма, имели ярко выраженную профашистскую ориентацию. Словарные статьи, семантизирующие лексикон фашистского дискурса, отличались от статей слов общей лексики в основном бóльшим количеством строк и способом кодификации, толкования были сделаны с учетом реалий и доминант тоталитарной идеологии [Kolb 1990: 184].

Очевидным представляется факт, что лексикографические источники эпохи итальянского тоталитаризма являлись средством пропаганды для привлечения широких народных масс к идеям дуче. Кроме того, словари служили проводниками основных направлений языковой политики тоталитарной Италии, в частности, идей пуризма как составной части лингвистической автаркии (*autarchia linguistica*) (термин, предложенный в 1937 г. Б. Мильорини) и борьбы за единый язык.

В **Албанской Народной Республике (АНР)** после победы социалистического строя Секцией языка и литературы Института наук был осуществлен ряд проектов, среди которых издание первого «Толкового словаря албанского языка» (*Fjalor i gjuhës shqipe*), содержащего 22 000 слов, наиболее употребительных в общенародном албанском языке [Ciro 1954].

Словник отражал лексику, функционирующую в языке до 1950-х гг., соответственно в словаре не были кодифицированы неологизмы. В словаре были представлены лексемы токсского и гегского диалектов, а также частично итало-албанские слова. Таким образом, словарь создавал у пользователей представление о наиболее употребительных лексемах и одновременно явился предпосылкой для разработки единого письменного языка.

Над созданием словаря трудились виднейшие лингвисты Албании, к их числу относились: К. Ципо (K. Ciro), Э. Чабей (E. Çabej), М. Доми (M. Domi), А. Крайни (A. Krajni), О. Мюдерризи (O. Muederrizi). Тем не менее, несмотря на громадный труд по составлению словаря, два его автора П. Геци (P. Gazi) и С. Малешова (S. Malesova), стоявшие в оппозиции к правящей партии, по политическим соображениям не были указаны в качестве составителей [Ляфе 2001: 348].

В двуязычной албанской лексикографии издавались словари, использовавшие преимущественно материал языков дружественных на тот период стран, прежде всего социалистических. Отметим также ряд русско-албанских словарей, например, один из первых двуязычных словарей АНР «Краткий албанско-русский словарь» (*Fjalor i shkurtër shqip-rusisht*) [Кочи, Скенди 1950]. В преамбуле словаря указано, что основную часть словника составляют слова южного наречия. Однако в отдельных случаях составители кодифицировали лексику северного наречия, имеющую большую степень распространения. К словарю был приложен

краткий очерк грамматики албанского языка, составленный Б.А. Серебренниковым. В предисловии авторы также отмечали трудности составления словаря, связанные с практически полным отсутствием справочного материала [Кочи, Скенди 1950: 5—6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая вышесказанное, мы выделяем следующие общие дискурсивные практики тоталитарного государства в области лексикографии.

1. Акцентирование внимания со стороны государства на масштабных лексикографических проектах, что нашло свое отражение в финансировании данных проектов, в создании специальных групп и комиссий.

2. Реализация задачи создания крупномасштабного лексикографического труда по определенному сценарию, с привлечением государственного ресурса — законодательства, СМИ, финансирования, личной поддержки лидеров государства. Содействуя, с одной стороны, тем или иным лингвистическим проектам, государство, с другой стороны, контролирует работу ученых, навязывая им работу в нужном русле, делая их проводниками своих политических установок, языковой политики. В этой связи отметим и готовность большей части лексикографов работать по новым правилам, так как участие в крупных лексикографических проектах открывало новые возможности для публикаций, получения финансирования, роста научного авторитета.

3. Яркое проявление изменения политических и идеологических пристрастий государства и его лидера.

4. Влияние внешнеполитических связей государства, что проявляется в выборе и следовании методике семантизации и кодификации лексем, принятой в той или иной стране, что особенно типично для тоталитарных государств бывшего социалистического лагеря.

Нельзя не отметить, что словари тоталитарной эпохи, несмотря на некую конъюнктурность, в большей своей части являются основательными и авторитетными лексикографическими трудами, они послужили основой для переиздания современных одноязычных толковых, а также переводных словарей.

Безусловной заслугой составителей словарей тоталитарной эпохи является и их практическая ориентация, перечень изданий свидетельствует о том, что составители стремились удовлетворить потребности различных слоев населения, осознавая, что не существует единого универсального словаря, рассчитанного на все категории пользователей.

© Костева В.М.

Дата поступления: 1.09.2017

Дата приема к печати: 30.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Костева В.М.* «Тоталитарная» лингвистика и ее проявление в языковой политике: монография. М.: МПГУ, 2013.
2. *Кочи Р.Д., Скенди Д.И.* Краткий албанско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1950.

4. *Ляфе Э.* Развитие книжной лексики албанского языка во второй половине XX в. // *Studia linguistica et balcanica: Памяти Агнии Васильевны Десницкой.* СПб.: Наука, 2001. С. 346—352.
5. *Bertoni G.* Vocabolario della lingua italiana Edited by Giulio Bertoni, assisted by Carlo For-michi and Clemente Merlo. Milano: Soc. An. per la Public. del Vocabolario Lingua It., 1941.
6. *Cipo K.* Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë: Institut i shkencave, 1954.
7. *Duro A.* Italienische Lexikographie // *Wörterbücher: ein internationales Handbuch der Lexiko-graphie / Hrsg. F.-J. Hausman.* Berlin—New-York: de Gruyter, 1999. Teilbd. 2. S. 1880—1891.
8. *Klein G.* La politica linguistica del fascismo. Bologna: Il mulino, 1986.
9. *Kolb S.* Sprachpolitik unter dem italienischen Faschismus. Der Wortschatz des Faschismus und seine Darstellung in den Wörterbüchern des Ventennio (1922—1943). München: Voegel, 1990.
10. *Panzini A.* Dizionario moderno. Supplemento ai Dizionari italiani. Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1935.

УДК: [811.131.1:811.18]374

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891

DICTIONARIES OF TOTALITARIAN ITALY AND ALBANIA

Viktoria Kosteva

Pushkin State Russian Language Institute
Ac. Volgin Street, 6 Moscow, Russia 117485

Abstract. The relevance of the article is defined by the primary appeal to a comparative analysis of the development of lexicography in countries with a totalitarian society. The analyzed material is considered from the point of view of the “totalitarian” linguistics, which is considered as a set of discursive practices inherent to the totalitarian era. The aim of the present article is the confirmation of the hypothesis put forward by the author, that the totalitarian state, regardless of the time frames, generates a special kind of linguistics, which has a set of certain features making it totalitarian type according to the current political semantics. The subject of the study is the lexicographic works of the totalitarian era in Italy and Albania. The research material of this article was the original lexicographic sources from Italy and Albania, as well as scientific works in the field of lexicography devoted to the period of totalitarianism, mainly represented by foreign linguists. The research is conducted in line with the narrative lexicography, which allows to recreate an objective picture of the status and development of linguistics in totalitarian states, which contributes to the rethinking of the linguistic heritage of totalitarian states, and opens further perspectives in the field of narrative lingvo historiography. The obtained results are characterized by a high degree of novelty. It is the first time when the lexicographical practice of totalitarian states is presented as a comparative analysis of the discursive practices of the totalitarian era. Previously, the study of the lexicography of totalitarian states was implemented on the basis of studying specific aspects of the vocabulary and was presented fragmentarily, mostly in foreign languages, which significantly limits the access to the works for Russian-speaking readers. The results of this analysis contribute to a General theory of lexicography and lingvo historiography of the twentieth century.

Key words: lexicography, “totalitarian” linguistics, discursive practice, narrative, codification, semantization, dictionary

REFERENCES

1. Kosteva, V.M. (2013). “Totalitarian” linguistics and its manifestation in linguistic politics: Monography. Moscow: MPGU. (In Russ.)
2. Kochi, R.D. & Skendy, D.I. (1950). A short Albanian-Russian dictionary. M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.

4. Lyafa, E. (2001). Development of the book vocabulary of the Albanian language in the second half of the 20th century // *Studia linguistica et balcanica: In memory of Agni Vasilyevna Desnitskaya*. SPb.: Nauka. pp. 346—352. (In Russ.)
5. *Bertoni, G.* (1941). *Vocabolario della lingua italiana* Edited by Giulio Bertoni, assisted by Carlo Formichi and Clemente Merlo. Milano: Soc. An. per la Public. del Vocabolario Lingua It. (In Ital.)
6. *Cipo, K.* (1954). *Fjalor i gjuhës shqipe*. Tiranë: Institut i shkëncavet. (in Albanian)
7. *Duro, A.* (1999). *Italienische Lexikographie* In *Wörterbücher: ein internationales Handbuch der Lexikographie* / (Hrsg.) F.-J. Hausman. Berlin–NY: de Gruyter. Vol. 2. pp. 1880—1891. (In German)
8. *Klein, G.* (1986). *La politica linguistica del fascismo*. Bologna: Il mulino. (In Ital.)
9. *Kolb, S.* (1990). *Sprachpolitik unter dem italienischen Faschismus. Der Wortschatz des Faschismus und seine Darstellung in den Wörterbüchern des Ventennio (1922—1943)*. München: Voegel. (In German)
10. *Panzini, A.* (1935). *Dizionario moderno. Supplemento ai Dizionari italiani*. Milano: Ulrico Hoepli Editore. (In Ital.)

Для цитирования:

Костева В.М. Словари тоталитарных Италии и Албании // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2017. Т. 8. № 3. С. 884—891. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891.

For citation:

Kosteva V.M. Dictionaries of Totalitarian Italy and Albania (2017). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 884—891. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891.

Viktoriya M. Kosteva, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 884—891. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-884-891.

Сведения об авторе:

Виктория Михайловна Костева, кандидат филологических наук, доцент. Советник по внешним связям при ректорате ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина». *Сфера научных интересов*: лексикография, фразеография, фразеология, лингвоисториография. Автор более 45 научных публикаций. *Контактная информация*: vmkosteva@gmail.com

Bio Note:

Kosteva Viktoriya Mikhailovna, candidate of philological Sciences, assistance professor, External Affairs Advisor to the Rector in Pushkin State Russian Language Institute; *Area of scientific interests*: lexicography, phraseography, phraseology, lingvo historiography. The author of over 45 scientific publications. *Contact information*: vmkosteva@gmail.com